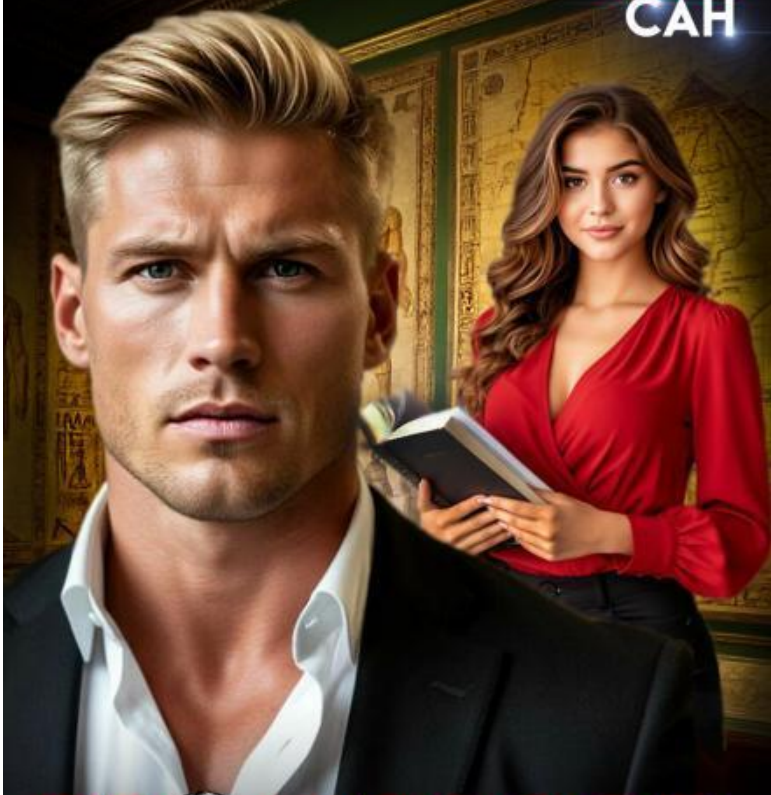

ЛАВА
САН

ПРОФЕССОР,
нажми меня...

Лава Сан

Профессор, научи меня...

<https://litres.ru/74212652>

Аннотация

♥#Эксклюзив♥# — Лерка, да подожди ты, — голос Димки донесся снизу, — я тебя не обижу!

А потом вверх по лестнице полетел его смех. Надменный и похотливый.

Как же меня достал этот троглодит!

Я огляделась в поисках спасения. Два крыла университетских коридоров темными тоннелями уходили в противоположные стороны. Нужно бежать к историкам. Там, снаружи, возле окна, пожарная лестница...

Я вбежала в знакомую аудиторию и, не включая свет, схватила швабру, что стояла возле умывальника. Быстро просунула черенок через дверную ручку, как засов, и отступила на пару шагов, чувствуя, что я теперь в безопасности.

Осталось лишь вылезти в окно и спуститься по пожарной лестнице...

— Мышка сама прибежала в мышеловку, — жаркое дыхание обожгло шею, а горячие, крепкие руки легли на плечи, — добро пожаловать...

По спине пробежали мурашки, а от его прикосновения и голоса внутри все сжалось в тугую, сладкий комок. Страх

испарился, не оставив ничего, кроме огненной волны, что погасила лед в жилах и заставила сердце биться в новом, лихорадочном ритме желания. *** На третьем курсе я перевелась в новый вуз. Если бы я знала, что это перевернет всю мою жизнь, что я влюблюсь в профессора по истории, о котором грезят все девчонки универа... И что меня станет преследовать озабоченный однокурсник...

Я все равно бы перевелась!

♥#ХЭ обязательно♥#

Книга участвует в литмобе «Горячий профессор»

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	17
Визуалы персонажей	21
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	45
Глава 8	51
Глава 9	57
Глава 10	62
Глава 11	68
Глава 12	75
Глава 13	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Пролог

Пятое октября. В актовом зале университета царила приятная усталость, наступающая после официальных мероприятий. Воздух был густым и сладким от смешения ароматов: парфюм преподавательниц, горьковатый запах увядающих хризантем в огромных букетах и пыльный дух старого бархата сцены, который, казалось, впитал в себя все речи и аплодисменты за последние пятьдесят лет.

Я стояла посреди актового зала, заваленного яркими конфетти и скомканными программками, и чувствовала, как понемногу начинает ныть спина. Торжественная часть, посвященная Дню учителя, закончилась, и гул голосов постепенно стихал, растворяясь в вузовских коридорах.

— Антонова, ты точно справишься одна? — крикнул мне через весь зал Тёма, один из «дежурных» парней.

Он стоял в дверях с огромными мусорными пакетами в каждой руке.

— Да, не волнуйся! — ответила я, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало раздражения. — Я уже почти все собрала. Уходя, заберете.

Его напарник, Серега, хихикнул:

— Ну ты, Лерка, герой! Может, тебе не на историка, а на уборщицу надо было поступать? Мастерски с веником справляешься.

— Идите уже, — махнула я рукой. — Мусорным бакам от меня отдельный привет передавайте. У меня с ними карьера не сложится.

Они засмеялись и вышли, оставив меня в тишине. Я потянулась, слыша, как хрустят позвонки. Как же повезло Ксюхе и Юльке с их простудой именно сегодня. Праздник от студентов для преподавов они, конечно, пропустили, но и выгребать мусор после торжества им не пришлось. Хотя вместе было бы веселее и не так... жутковато. Пустой университет к вечеру всегда навевал легкую тревогу. Особенно такие его уголки, как актовый зал, с его темными кулисами и притихшим бархатным занавесом.

Собрав последние стаканчики и скомканную бумагу в столитровый мешок, я завязала узлом горлышко пакета и отнесла его к двери, в общую кучу. Мальчишки заберут. А мне домой пора.

Сняв ярко-синий дежурный жилет, я сложила его аккуратно на крайний стул и, наконец, вздохнула с облегчением. Свобода! Потом накинула свою легкую ветровку и направилась прочь из зала, подхватив на плечо мой черный кожаный рюкзачок.

Я уже представила, как спущусь по парадной лестнице, выйду на прохладный осенний воздух и пойду домой, где мама, наверное, уже достает из духовки свой фирменный пирог с вишней, а Влад доказывает папе что-то про новые датчики для своего робота. Идиллия.

План рухнул в ту же секунду, когда я сделала шаг в коридор. Из полумрака, опираясь на косяк, возник Димка Горлов.

— Ну что, Антонова, все убрала? Хозяйка ты наша, — его голос был сладким и одновременно едким, как перестоявший на солнце лимонад.

Поганый концентрат...

От него пахло табаком и свежим коньячным перегаром. Я попыталась пройти мимо, не желая общаться с этим назойливым мажором:

— Димка, отстань. Дежурство закончилось, я ухожу.

— Куда это ты так торопишься? — он легко преградил мне путь, уперев ладонь в стену у моей головы.

Его взгляд, наглый и оценивающий, скользнул по мне от макушки до кроссовок:

— Подружек твоих нет. Заболели, как я слышал. Скучно тебе одной, наверное? Давай, развлеку.

— Мне совсем не скучно, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Я очень спешу.

Я хотела поднырнуть под его руку, чтобы рвануть к двери, но не получилось. Горлов разгадал мой маневр и снова преградил путь.

— Все вы, умницы, спешите, — он усмехнулся, и в его глазах вспыхнул неприятный огонек. — А на самом деле просто ждете, когда к вам подойдут по-мужски. Без ваших дурацких церемоний и ухаживаний.

Меня бросило в жар от этого нахальства:

— Горлов, отстань. Мне не до тебя.

— А если не отстану? — его ухмылка стала шире. Он наклонился ближе, и я сильнее почувствовала коньячный дух. — Давай закончим с этими играми. Ты — симпатная, я — красавчик... Пойдем в туалет, закроемся в кабинке, скрасим друг другу вечер. Никто не узнает...

Внутри у меня все оборвалось и похолодело. «Ты что, совсем охренел?» — пронеслось в голове, но я сжала зубы.

— Нет. Отвали, — резко оттолкнув его руку, я сделала шаг к спасительной двери.

— Да ладно тебе, Лерка, не ломайся! — его терпение лопнуло.

Он резко схватил меня за локоть. Пальцы впились в руку так больно, что я вскрикнула. Паника, острая и слепая, ударила в виски, заглушая все мысли.

— Я сказал, пошли! Хорош целку из себя строить.

Он потащил меня в сторону туалетной комнаты в торце коридора. Грубо и бесцеремонно.

Во рту стало сухо от ужаса. Но вдруг в голове четко и ясно всплыло папино лицо, его командирский голос напутствовал: «Драться, дочка, надо не по киношному, а по-настоящему. Бей сразу, чтобы упал».

Я больше не раздумывала, а рванулась изо всех сил вперед, одновременно резко дернув рукой на себя. Скользящая ткань ветровки помогла: пальцы Димки соскользнули.

Я так втопила по коридору, что даже не поняла, как ока-

залась в главном холле. Ноги сами принесли меня. Сердце колотилось где-то в горле, сбивая дыхание. Я услышала за спиной его тяжелые шаги и ругань.

— От меня не убежишь! Найду и засажу по самые гланды...

Путь к входной двери оказался отрезан. Выход был один: бежать наверх. Я помчалась, перескакивая через две ступеньки.

— Лерка, да подожди ты, — голос Димки, уже без слащавости, полный злобы, донесся снизу, — я тебя не обижу, ко- за ты драная!

А потом вверх по лестнице полетел его смех. Надменный и похотливый.

Как же меня достал этот троглодит!

Я огляделась в поисках спасения. Два крыла университетских коридоров темными тоннелями уходили в противоположные стороны. Мысли метались, как перепуганные птицы: «Где? Куда?» И тут я вспомнила. Нужно бежать к историкам. Там, снаружи, возле окна, есть пожарная лестница...

Я рванула налево и вбежала в знакомую аудиторию. Дверь с грохотом захлопнулась. В кабинете царил мрак, лишь слабый свет фонаря с улицы пробивался сквозь высокое окно, выхватывая контуры рядов парт и лекционного стола.

Дышала я так, будто пробежала марафон. Нужно было забаррикадироваться! В панике я нащупала в углу у раковины швабру, что уборщица всегда оставляет здесь. Схватила ее и

быстро просунула черенок через дверную ручку как засов.

Отступив на пару шагов назад, я на секунду закрыла глаза, пытаюсь унять дрожь в коленях. Казалось, сейчас все кончится. Я в безопасности.

Осталось лишь вылезти в окно и спуститься по пожарной лестнице...

— Мышка сама прибежала в мышеловку, — жаркое дыхание обожгло шею, а горячие, крепкие руки легли на плечи, — добро пожаловать...

По спине пробежали мурашки, а от его прикосновения и голоса внутри все сжалось в тугую, сладкий комочек. Страх испарился, не оставив ничего, кроме огненной волны, что погасила холод в жилах и заставила сердце биться в новом, лихорадочном ритме.

Глава 1

За несколько месяцев до...

— Семья, мы переезжаем! — громовый, раскатистый голос отца, которым он отдавал команды на службе, прокатился по нашей маленькой квартирке, долетев до кухни еще до того, как в прихожей захлопнулась дверь.

Я сидела за столом, доедая мамины сырники — те самые, с хрустящей корочкой и ванильным ароматом, что пахнут счастливым детством.

От отцовского крика я замерла с вилкой на полпути к рту. В дверном проеме возник папа, Виктор Иванович Антонов, весь такой вытянутый в струнку матерый вояка, в своей безупречно отглаженной форме. На его обычно суровом лице сейчас сияла самая что ни на есть мальчишеская улыбка. Даже проседь на висках, которую он называл «знаками отличия за службу», казалось, искрилась.

— Меня переводят! — объявил он, обводя нас с мамой и прибежавшим из комнаты Владом торжествующим взглядом полководца, выигравшего сражение. — В генштаб области! С повышением! Был подполковником, а стал полковником. И квартиру дают. Не малосемейку, а настоящую, трехкомнатную! В настоящем городе!

Из своей берлоги, откуда доносились звуки какой-то стрельки, вывалился Влад, с одним наушником в ухе. Второй

висел на проводке: — Чего, пап? Куда переводят? Ты серьезно?

Моя мама, Наталья Сергеевна, вытерла руки о фартук. Ее лицо выражало целую гамму чувств: от радости за отца до легкой паники при мысли о переезде. — Витя, ты уверен? Так внезапно... Заднюю не дадут?

— Приказ уже подписан! — папа гордо прошелся по нашей кухне, восьмиметровой клетушке, где все было знакомо до каждой трещинки на кафеле, — на сборы у нас неделя. Ровно неделя! Грузовик для переезда в части дадут.

В голове у меня пронесся настоящий вихрь. Переезд? Из этого серого, пыльного, спящего военного городка, где единственные развлечения — это поход в Дом офицеров на просмотр фильма двухлетней давности или на стадион, покрытый вечным строительным мусором? Городка, где все знают всех, и где твое будущее видится таким же плоским и предсказуемым, как бесконечные ряды одинаковых облезлых пятиэтажек.

Я только-только сдала летнюю сессию после второго курса и приехала к родителям на каникулы, в свою комнатку, которую мы с Владом делили пополам, отгораживаясь друг от друга стеной из стеллажа с книгами. А соседствовать с шестнадцатилетним раздолбаем — такое себе развлечение.

Учеба в соседнем, чуть побольше, городке была спасением, но и там все было не сахар. Я жила в общежитии, которую, я уверена, боялись даже местные тараканы. Эти твари, раз-

мером с фалангу большого пальца и с хитиновым панцирем, словно броня у танка, демонстративно не боялись самого термоядерного дихлофоса. Они с достоинством прогуливались по столу, пока ты пыталась ужинать, и смотрели на тебя свысока, будто это ты поселилась на их исконной территории.

Помимо студентов, там обитала самая разномастная публика: вечно уставшие гастарбайтеры, пьяницы с пятого этажа и подозрительные типы, к которым глубокой ночью приходили странные молчаливые люди в капюшонах. Комендантша, тетя Люда, женщина с лицом бульдога и золотыми руками, за определенную мзду заселяла кого ни попадя и на все безобразия смотрела сквозь пальцы, чувствуя себя полновластной хозяйкой этого ада.

— И куда именно мы едем? — спросила я, наконец опустив вилку.

— В областной центр! — с неподдельной гордостью сказал папа. — В настоящий мегаполис! Театры, парки, университеты... Возможности!

— Там есть технопарк? — тут же оживился Влад, вынув и второй наушник. Его глаза загорелись. — И крутые кружки по робототехнике? Я читал, у них в политехе целый факультет! Я смогу туда поступить!

— Будет тебе и технопарк, и факультет, — твердо пообещал отец, хлопая его по плечу. — Главное — учись.

Папа знал, о чем говорил. До недавнего времени наш Вла-

дик вообще не хотел учиться, а мечтал стать блогером-геймером или распаковщиком всякой компьютерной хрени... Лишь в прошлом году увлекся робототехникой и начал подтягивать физику с математикой.

Новость папы круто меняла нашу устоявшуюся жизнь...

Мы уселись за стол — импровизированный семейный совет. Мама вздыхала, бросая тоскливые взгляды на свои бесчисленные коробки и шкатулки с бисером, папа уже мысленно расставлял мебель в невиданной еще трехкомнатной квартире, а я думала о своем. О том, что моя любовь к истории, к этим пыльным фолиантам и древним артефактам, может так и остаться в этих серых, безрадостных стенах. Или...

— Я переведусь, — вдруг четко и громко сказала я. Все взгляды родных устремились на меня: — В университет нового города. Буду учиться дальше. Я хочу заниматься наукой, — я сделала глубокий вдох, чувствуя, как от этих слов щеки горят, — изучать археологию и ездить на раскопки. Настоящие!

Я вскочила из-за стола и побежала к семейному компьютеру. Пока он со скрипом загружался, я, повернувшись к семье, объясняла:

— В том институте, где я учусь сейчас, нет нормальной археологической практики. Одни теоретические курсы. А здесь... — я наконец-то открыла сайт крупного регионального университета и торжествующе ткнула пальцем в экран, — смотрите! Кафедра археологии и этнографии! Ежегодные

экспедиции в разные регионы! Преподаватели с мировыми именами!

Я видела, как папин взгляд смягчился. Он, суровый вояка, всегда с нежностью и уважением относился к моему увлечению «старинной глубокой», как он это называл.

— А жить ты будешь с нами, — сказала мама, и в ее голосе прозвучала такая надежда и облегчение, что я тут же кивнула, подбежав и обняв ее.

— Конечно, мам! У меня же наконец-то будет своя комната! Без Владовых схем, проводов и вонючих паяльников!

— Ой, систер, не бухти. Это детали будущего технологического прорыва! — возмутился брат, но глаза его горели. Он уже представлял себя среди таких же увлеченных робототехникой ребят: — У меня тоже будет своя комната: не придется твои лифчики от друзей прятать!

Решение было принято единогласно. Наше семейство Антоновых, как хорошо отлаженный армейский механизм, пришло в движение. Уже к вечеру мама, отбросив тоску, с азартом достала первые картонные коробки и принялась маркировать их своим каллиграфическим почерком: «Кухня», «Библиотека Леры», «Хлам Влада».

Папа с важным видом составил подробный план упаковки и погрузки. Влад с энтузиазмом, достойным лучшего применения, принялся разбирать свои электронные «залежи», сортируя микросхемы по коробочкам. А я, сжимая в руках распечатку с сайта нового университета, смотрела в окно на

унылый, знакомый до боли пейзаж своего детства: на ржавые качели, покосившийся забор и вечно пасущихся у подъезда голубей — без тени сожаления.

Впереди, за горизонтом, ждала новая, большая жизнь.

Глава 2

— Так, 8:00, лекция по этнографии, ауд. 314, главный корпус, — бормотала я себе под нос, сжимая в ладонях распечатку с расписанием и стараясь не сбиться с шага.

Вокруг меня бурлил, гудел и переливался первый сентябрьский день. Было ощущение всеобщего праздника, на который меня, впрочем, не позвали. Я была чужой. Быть новенькой на третьем курсе — то еще испытание на прочность. Пока все однокурсники за два года уже сроднились, создали свои крепкие компании и тайные тусовочные места, я была белой вороной, которая даже не знала, куда приткнуться на лекции, чтобы не сесть случайно на «чье-то» место.

Спасало то, что я провела здесь небольшую рекогносцировку еще накануне, как настоящий разведчик. Оббежала основные корпуса, нашла буфет, гардероб и даже постояла у дверей кафедры истории, пытаясь представить себя своей. Благодаря этому сегодня я хотя бы не блуждала по коридорам с видом абсолютно потерянной овечки.

Я вошла в указанную аудиторию и... обомлела. Это была не просто комната, это был целый амфитеатр, огромный, светлый, уходящий ярусами к самому потолку, залитый мягким утренним светом из высоких окон. И он уже наполнялся оглушительным, радостным гомоном. Человек двести, не меньше.

Казалось, все друг друга знают, любят и не виделись целую вечность. Они кричали через ряды, обнимались, хлопали друг друга по плечам, с визгом обменивались впечатлениями от каникул, показывали фотографии в телефонах. Я застенчиво замерла в дверях, чувствуя себя невидимкой, призраком, затерявшимся в чужой веселой реальности.

Куда сесть?

Пристроиться с краешка на самом верху, как серая мышка? Или проявить наглость и сесть в первом ряду, рискуя нарваться на возмущенные взгляды?

— Эй, новенькая! — внезапно раздался звонкий, пробивающий общий гул голос.

Я не сразу сообразила, что это ко мне. Оглянулась по сторонам, думая, что позвали кого-то позади меня.

— Да ты, с карими глазами! Кожаный рюкзак! Иди к нам, не стесняйся!

На меня смотрели две девушки с третьего ряда. Одна — блондинка с озорными серыми глазами и стильной стрижкой каре, которая идеально обрамляла ее живое, задорное личико. Вторая — рыжая, с более строгими, но добрыми и умными глазами цвета лесного ореха и с такой же, как у подруги, аккуратной стрижкой. Они весело и ободряюще махали мне, явно предлагая присоединиться.

Собрав волю в кулак, я, извиняясь, пробралась по проходу к ним.

— Привет! Места, слава богу, хватает, — блондинка по-

двинулась, освобождая для меня место у прохода. — Я Ксюша Смирнова, можно просто Ксю. А это Юлия Полунина.

— Привет, — улыбнулась рыжая Юлия. — Видим, человек немного потерянный. Решили спасти от участи сидеть с балбесами на галерке.

— Спасибо, — выдохнула я с таким облегчением, что у меня чуть не закружилась голова. — Вы меня прямо спасли. Я Лера. Лера Антонова. Перевелась к вам в этом году.

— Понятно, — кивнула Ксюша, ее быстрый взгляд скользнул по моей одежде, рюкзаку, оценивая, но без капли осуждения. — Не переживай, у нас народ в основном адекватный. Сейчас, правда, самая скукота будет, Мурашова, этнография. Читает так, будто отпевает усопших. Но отсидеть надо, у нее строгий учет. Обязательная перекличка.

Не успела я что-то ответить, как в аудиторию, словно туча, вошла преподавательница. Пожилая, тучная женщина, с лицом, на котором, казалось, навсегда поселилось выражение легкого отвращения ко всему живому. Она грузно устроилась за кафедрой, откашлялась так, будто прочищает засор в трубе, и без единой нотки энтузиазма прохрипела:

— Ну, с праздником вас, колхозные кони. С началом посевной. Открываем тетради, у кого есть, записываем тему: «Этногенез и основные концепции этничности». Кто опоздал — считайте, что уже пропололи половину пары. Потребую реферат по теме.

Лекция и правда оказалась монотонной и безнадежно

скучной. Но я была просто счастлива, что сижу не одна, а с двумя, как оказалось, очень милыми и веселыми девчонками. Мы успели перекинуться парой записок. Ксю нарисовала на полях карикатуру на Мурашова в виде гиппопотама в очках, а Юля аккуратным почерком написала: «Не обращай внимания, она всегда такая. Держись с нами, сориентируем». Я чувствовала, как лед одиночества понемногу тает, а настроение поднимается.

Когда прозвенел долгожданный звонок, и Мурашова, не прощаясь, тяжело поднялась и выкатилась из аудитории, Ксюша сладко потянулась и с хитрой, понимающей улыбкой сказала:

— Ну вот, отбыли первую повинность. Скорее бы третья пара. Я так по нашему Воину соскучилась... Увидишь, Лер, он — нечто!

Книга участвует в Литмобе "Горячий профессор"

Для читателей старше 18 лет

Визуалы персонажей

Лера Антонова

Блондинка Ксюша и рыжюля Юля

Димка Горлов

Глеб Андреевич Войнов

Друзья, рада приветствовать вас в своей новой книге о любви. Добавляйте роман к себе в библиотеку, чтобы знать о выходе новых глав. Ставьте наградные звездочки главам и книге: так я буду видеть, что вам нравится).

Хорошего дня, дорогие мои, и приятного чтения!

Глава 3

Мы сидели в самом сердце студенческой жизни — в кафе «Буфетико» после второй пары. Воздух был густ от запаха свежесваренного кофе, жареных пирожков и громкого, бесшабашного смеха. Выяснилось, что Ксюша и Юля — не просто мои случайные соседки по лекции, а мои одногруппницы. Это значило, что мы будем неразлучны не только на лекциях, но и на всех семинарах и практических занятиях. Новое знакомство было похоже на выигрыш в лотерею.

Я с аппетитом ела свой сэндвич с индейкой и, поддавшись расспросам подруг, рассказывала им о переезде, о папином внезапном повышении, о кошмарах старой общаги.

— ...и эти тараканы, — с содроганием говорила я, — они были всеядные и бесстрашные. Однажды один утащил у меня целую пельмешку. А соседи... Боже, лучше не вспоминать. С одной стороны жили парни, которые вечно что-то паляли, и пахло паленой пластмассой, а с другой — тетка с тремя кошками, которые постоянно дрались по ночам.

— Брр, представляю, — сморщила свой аккуратный носик Юля. — У нас тут общежития, в принципе, более-менее цивилизные. Но тебе, я смотрю, повезло больше: живешь с семьей.

— О да! — воскликнула я, и мое сердце наполнилось теплом. — У меня впервые в жизни своя комната! Целая все-

ленная, где я могу разбросать книги по полу, развесить на стенах карты и плакаты, и никто не будет ворчать! Это же счастье!

В свою очередь, девушки просвещали меня о местных порядках и персонажах.

— У нас на курсе народ в целом нормальный, — говорила Ксю, размешивая ложечкой свой капучино с сердечком. — Есть, конечно, свои приколисты, как Стас, который читает стихи на подоконнике, и тихони, которые только на сессиях из берлоги выползают. Но все адекватные, неконфликтные. Кроме одного экземпляра...

— Кроме кого? — уточнила я, откладывая сэндвич.

И словно по злему року, в этот самый момент к нашему столику бесцеремонно подсел парень. Он был в дорогой, ультрамодной куртке, от которой так и веяло деньгами, и со смазливой, но наглой физиономией, на которой читалась уверенность в своей неотразимости.

— Чего, девочки, тусуетесь вдвоем, без мужского внимания? — начал он, развалившись на стуле, и его взгляд, быстрый и оценивающий, сразу же прилип ко мне как банный лист. — А это что за новая телочка в вашем стаде? Откуда такая прелесть взялась? Я таких на нашем факультете не припоминаю.

Юля вздохнула с преувеличенным, почти театральным страданием:

— Лера, вынуждена тебя огорчить. Перед тобой наша кур-

совая достопримечательность, исчадие местной коммерческой основы. Дима Горлов собственной персоной. В край охреневший мажор, который непонятно, что забыл на историческом факультете.

— Слышь, рыжая, базар-то фильтруй, — беззлобно, но с угрозой в голосе бросил Димка, не отрывая от меня своего наглого взгляда. — А ты, значит, Лера...

Он резко наклонился вперед через стол, перекрывая собой все пространство, и его длинные, цепкие пальцы с силой сжали мой подбородок, грубо заставляя поднять голову. Я аж вздрогнула от неожиданности.

— Милая мордашка, — хмыкнул наглец, — и губки пухлые, сочные... Как раз такие, как я люблю...

От его прикосновения, влажного и грубого, по телу пробежала волна острого, животного отвращения. У меня перехватило дыхание. Я резко дернула головой и оттолкнула его руку прочь, как отталкивают гадкую, липкую тварь:

— Руки убери! Не трогай меня!

Горлов не обиделся. Напротив, он громко, похабно заржал, откинувшись на спинку стула.

— Ну ладно, ладно, строптивая цыпочка... Я таких приручать люблю. Ничего, еще встретимся. Я тебя со своим лучшим другом познакомлю, — он многозначительно, с похабным жестом хлопнул себя по ширинке джинсов и снова залился своим наглым, жеребьячьим хохотом.

Его приятели, стоявшие у стойки и наблюдавшие за этой

сценой, поддержали его улюлюканьем и одобрительными возгласами.

Когда этот хмырь, наконец, удалился, я выдохнула, чувствуя, как у меня горят щеки и дрожат руки. Я была в ярости.

— И это... это постоянно? — с трудом выдавила я.

— Постоянно, — кивнула Ксюша, закатывая глаза. — Но ты не особо бойся, он в основном на словах понтуется и на вот таких вот показных подкатах. Отец у него — крупный спонсор нашего универа, платит за новые лаборатории и ремонты, вот Димка и чувствует себя наследным принцем. Его все терпят, как стихийное бедствие. Главное — не показывать страх.

Мы допили свои напитки, и, отходя от этой неприятной встречи, как от дурного сна, пошли на третью пару. Лекцию вел тот самый «Воин», о котором говорили девчонки. Войнов Глеб Андреевич.

— Он у нас молодой профессор, — нашептывала Ксюша на ходу, и ее глаза блестели. — Настоящий лапочка и симпатулечка! Ему всего 32, а он уже профессор! Представляешь? Все девчонки с ума по нему сходят. На его лекции по археологии прибегают даже с экономического и химического факультетов! Хотя им история на фиг не упала. Ходят, как на свидание.

— А он? — спросила я, уже заинтригованная.

— А он — неприступная скала, — философски вздохнула Юля, поправляя ремешок рюкзака. — Ни одной студентке не

поддался, хотя, говорят, предложения были самые что ни на есть прямые. Он только насмешливо так улыбається, этот его фирменный такой прищур, видя все их маневры и уловки. Про его личную жизнь — ноль информации. Ни жены, ни подруги. Один ходит, загадочный такой. Это, конечно, придает ему еще больше шарма. Сейчас сама все увидишь...

Мы вошли в аудиторию. Она была меньше предыдущей, но тоже заполнена под завязку. Причем я сразу заметила, процентов на восемьдесят — девушки. И многие действительно были одеты так, словно собрались не на лекцию, а в ночной клуб: мини-юбки, обтягивающие платья, глубокие декольте, яркий макияж. И все они на первом ряду.

Я невольно посмотрела на свою простую серую водолазку, джинсы с кроссовками и внутренне улыбнулась. Похоже, на лекциях Воина была своя, особенная мода.

Ровно со звонком, без минуты опоздания, в аудиторию вошел он. Глеб Андреевич. Высокий, с плечистой, спортивной фигурой, одетый в простую, но отлично сидящую на нем светлую рубашку с закатанными до локтей рукавами, обнажавшими сильные, загорелые, с выступающими венами предплечья. Коротко стриженный блондин, с волосами выгоревшего на солнце соломенного оттенка. И глаза... Серые, теплые, с целой паутиной смеющихся лучиков вокруг, будто он постоянно щурится на ярком солнце где-то на раскопках.

Он легко, без суеты, положил свою кожаную папку на ка-

федру и обвел взглядом аудиторию. Его взгляд был спокойным, внимательным и чуть насмешливым, будто он видел всех этих расфуфыренных девиц насквозь.

— Привет, студенты, — сказал он. И его голос...

Он был не просто низким. Он был глубоким, бархатным, с легкой, сексуальной хрипотцой, будто от долгого разговора у костра. Он действовал на меня почти физически, обволакивая, проникая куда-то глубоко внутрь и заставляя замереть, ловя каждое слово.

Я смотрела на него. На ауру спокойной силы и интеллекта, которая исходила от него, и вдруг поняла, почему от его внешности и голоса все девушки тают. Это была не просто приятная внешность. Это была харизма. Харизма самца, уверенного в себе. Умного, знающего себе цену и абсолютно, на сто процентов, недоступного.

И эта его уверенность, это спокойное, невысказанное могущество подействовали и на меня, заставив сердце сделать произвольный, предательский толчок и забиться в новом темпе. Как в той песне: «Мое сердце остановилось... Отдышалось немного... И снова пошло».

Глава 4

Глеб

Мне нравилось Первое сентября. Это был, пожалуй, мой любимый день в учебном году.

Студенты еще не успели устать от бесконечного потока лекций, семинаров и коллоквиумов. Их глаза горели не от ночных бдений над конспектами, а от предвкушения чего-то нового. Они еще искренне верили, что хотят учиться, и это наивное, чистое желание не испарится через пару недель, сменившись традиционной октябрьской апатией и мыслями о предстоящей сессии. В коридоры универа возвращалась жизнь: гомон голосов, смех, звонкие приветствия после летней разлуки. Эта энергия была заразной, она будила и во мне что-то еще забытое, студенческое...

Стоя перед зеркалом и завязывая галстук, я с иронией наблюдал за своим отражением. Серый костюм отличного кроя, белая рубашка... Цивилизация снова затянула меня в свои сети после лета, проведенного в пыли раскопок и житьем в палатке под открытым небом. Лето — это свобода, лопата в руках, запах нагретой земли и непередаваемый восторг, когда щетка счищает вековую грязь с черепка, которому пять тысяч лет. Но вот этот ритуал: костюм, галстук, аудитория — был другой стороной медали. Не менее важной.

В преподавательской меня встретил привычный пред-

праздничный хаос. Пахло свежемолотым кофе, духами преподавательниц и свежими цветами, что мои коллеги получили на входе от особо преданных студентов.

— Глеб Андреевич, здравствуйте! — пронесся над ухом визгливый, знакомый голос. Это была Лариса Петровна с кафедры педагогики, женщина, чей возраст был загадкой, покрытой мантией яркого макияжа: — Выглядите потрясающе! Прямо не мужчина, а картинка! Какой загар! Небось, на Мальдивах отдыхали? Или, может, на Сейшелах?

Я обернулся, наливая себе в кружку крепкого кофе из кофемашины с капсулами. Дарья, наша лаборантка, смущенно отвела взгляд, поймав мой. Молодая, неглупая, но тоже, кажется, попала под обаяние «молодого профессора». Иногда это утомляло.

— На Мальдивах, Лариса Петровна, песка хватит на весь мир, — парировал я, позволяя себе легкую усмешку. — Я все каникулы провел не на пляже, а в экспедиции. На границе Туркмении и Ирана. Раскапывали поселение эпохи бронзы. Вот там песка — хоть отбавляй. И загар, как видите, самый что ни на есть «рабочий».

— Ах да, конечно, ваши раскопки, — вздохнула она, смотря на меня томным, голодным взглядом, который я научился игнорировать еще в аспирантуре. — Все время в работе, молодой человек. Когда же личная жизнь?

«Личная жизнь у меня в прошлом, под обломками несостоявшегося брака», — пронеслось у меня в голове, но вслух

я сказал: — Археология — дама ревнивая, Лариса Петровна. Не терпит соперниц.

Сейчас мне тридцать два года. Для профессора возраст почти младенческий. Но то самое открытие пещер с остатками древнего поселения, защита диссертации в тридцать лет и последовавшая за этим известность в узких кругах сделали свое дело. Теперь меня уважали даже седовласые мастодонты, взирающие на научную молодежь с подозрением. А уж женщины... Они чуяли во мне самца. Я это видел по их взглядам, по нарочитому кокетству, по случайным прикосновениям к рукаву. Было одновременно и забавно, и бесконечно утомительно. Я был для них вызовом, неприступной крепостью, которую хотелось покорить. Для меня это было скучно.

— Кстати, коллеги, — обратился я к завкафедры Николаю Сергеевичу, своему старому другу и научному руководителю в прошлом. — На ноябрьские праздники хочу отпроситься на неделю. Самый юг Ставропольского края, предгорья. Местные краеведы-энтузиасты наткнулись на очень интересное место — возможные захоронения *Homo habilis*. Предварительная датировка — около двух миллионов лет. Если подтвердится, будет сенсация: в этом регионе их раньше не находили.

Николай Сергеевич, грузный мужчина с умными, добрыми глазами, хмыкнул, поправляя очки:

— Опять в земле ковыряться, Глеб? Не надоело? Мог бы

уже кафедрой возглавить, в тепле, при деньгах...

— Не надоело, Коля, — честно ответил я. — Кабинетная пыль не чета пыли веков. К тому же планирую взять с собой небольшую группу студентов. Пятерых. На примете есть трое толковых парней с истфака: Гордеев, Сидоров и тот рыжий, Веселков. И одна... скажем так, очень целеустремленная девушка с кафедры антропологии. Очки с диоптриями в сантиметр, взгляд исподлобья, но мозги — огонь, и с паспортизацией материала справляется лучше иных аспирантов. Надо еще одного человека. Посмотрю на первом практическом занятии, присмотрюсь к третьекурсникам. Пора их в поле вывозить.

Еще поболтав, преподаватели разошлись по аудиториям, а я отправился к новичкам — первокурсникам.

Первые пары пролетели незаметно. Новоявленные студенты смотрели на меня во все глаза, ловили каждое слово, боялись пропустить хоть что-то. Эта чистая, неиспорченная вера в науку и в тебя, как в ее жреца, всегда действовала на меня вдохновляюще.

После второй пары я вернулся в преподавательскую, снял пиджак с галстуком и, по привычке, оставшейся с лета, закатал рукава рубашки до локтей, обнажив загорелые предплечья. Предстояла лекция у третьего курса: большая сборная группа, куда по сложившейся традиции набивалась добрая четверть университета, чтобы поглазеть на «профессора-мачо» и помозолить мне глаза. Я мысленно готовился к бата-

реям взоров, направленных явно не на доску с хронологией неолита.

Я оказался прав. Зайдя в аудиторию под приветственный гул, я бросил в зал свое привычное, громкое: «Привет, студенты», — и, пока раскладывал на кафедре конспекты и материалы из папки, скользнул опытным взглядом по рядам. Знакомые лица моих постоянных поклонниц на первом ряду, расфуфыренных, облитых парфюмом и готовых к «бою».

Среди настоящих третьекуров-историков я заметил незнакомую девушку. В отличие от моих фанаток, она выглядела нормально. Никакого вызывающего макияжа, никакого декольте до пупа. Никаких томных взглядов. Свежесть. Приятно, черт возьми, что после постоянного «предложения на блюдечке» не все готовы себя преподносить в готовом к употреблению виде.

Я заметил, что она сидит между Ксюшей Смирновой и Юлей Полуниной — парочкой заводных, болтливых, но умных и перспективных девушек. Значит, точно новенькая, и они ее уже взяли под свое крыло. Ладно. На ближайшем практическом занятии по археологии познакомимся поближе. Посмотрю, что она из себя представляет.

Интересно, что у нее за интерес к истории: настоящий, от сердца, или так, проходной балл был подходящий, и она просто не знала, куда податься? Время покажет.

Глава 5

Лера

Я просидела всю лекцию, уткнувшись носом в тетрадь, с таким видом, будто от моей концентрации зависели судьбы мира и расшифровка древних манускриптов. На самом деле, я просто боялась. Боялась, что если подниму глаза и встречу с этим пронзительным, насмешливым серым взглядом, то просто залипну, опозорюсь на весь курс и пополню ряды этих восторженных, разряженных куриц с первого ряда, вздыхающих по секси-преподу.

А Глеб Андреевич... он рассказывал. И это было завораживающе. Он рассказывал не сухие факты из учебника, а живые истории. О летних раскопках где-то на юге, где палящее солнце и ветер, несущий песок пустыни. Он говорил о находках: обломках керамики, наконечниках стрел, костях — так, будто это не бездушные артефакты, а свидетельства чьих-то давно прожитых жизней. Его голос, этот бархатный баритон с легкой, сексуальной хрипотцой, будто от долгих разговоров у костра, заставлял мою кожу покрываться мелкими мурашками. Я сидела, стараясь дышать ровно, и выводила в тетради каракули букв, лишь бы не выдать своего странного волнения.

Потом он, как бы между делом, сообщил, что на ноябрьские праздники планирует короткий выезд с небольшой

группой студентов на новый, только что открытый объект: какие-то уникальные древние захоронения на Ставрополье.

Девчонки с первого ряда, как по команде, взметнули вверх руки, заверещав, что они готовы и горят желанием хоть сейчас рвануть в экспедицию. Дружно заявили, что они обожают археологию и спать в палатках!

Воин, не меняя своего спокойного, слегка отстраненного выражения лица, лишь чуть скривил губы в своей фирменной усмешке и, обведя их насмешливым взглядом, спросил:

— А давно юристы и филологи так увлеклись копанием в земле? Или вас, девочки, больше интересуют походные байки, палатки и романтика вечерних посиделок у костра?

Аудитория взорвалась громким смехом настоящих историков. Я про себя восхитилась. Глеб Андреевич был не только чертовски красив и владел завораживающим голосом, но и оказался блестящим рассказчиком с отменным, хоть и язвительным, чувством юмора. Он видел их насквозь, этих мотыльков, летящих на огонь его харизмы, и мягко, но неумолимо отшивал их.

Внутри меня закипела настоящая борьба. Я яростно уговаривала себя, твердила как мантру: «Не западай на препода. Это некорректно, непрофессионально, постыдно и глупо! Ты здесь учиться, а не жениха искать!» Но мое тело и подсознание, казалось, не слышали этот голос разума. Украдкой, краем глаза, я все же бросала на него взгляды, ловя его уверенные, отточенные жесты, манеру поправлять рукав, про-

водить рукой по волосам...

— Правда, хорош? — шипела мне на ухо Ксюша, не в силах усидеть на месте. — Ну прямо клевый, да? Настоящий мужик!

— Ага, — сдавленно выдавила я, чувствуя, как краснею.

— И рубашка на нем сидит просто идеально, — мечтательно вздыхала Юля, подпирая подбородок ладонью. — И как хорошо, что он без пиджака сегодня. Видно, какой он... крепкий. Плечи, руки... Чувствуется сила.

После лекции Глеб Андреевич так же легко и непринужденно, как и вошел, попрощался:

— Пока, студенты, — и вышел из аудитории, оставив после себя шлейф возбуждения и разочарования.

Я облегченно выдохнула, будто сдала самый сложный экзамен, и откинулась на спинку стула, чувствуя, как дрожат мои руки.

— Ну что? Произвел впечатление? — тут же атаковала меня Ксюша.

Я сделала вид, что зеваю, стараясь придать своему лицу выражение полного безразличия.

— Ну... нормальный мужчина, — пожала я плечами, смотря в окно. — Симпатичный, не спору. Но давайте без фанатизма. Мне с ним историю изучать, а не в ЗАГС идти. Лишь бы преподаватель нормальный был, а красавчиков и в кино хватает.

Подруги засмеялись, Ксю одобрительно хлопнула меня по

плечу, и мы, наконец, собрав вещи, потянулись к выходу из аудитории, смешавшись с шумной толпой однокурсников.

Ура, сегодня всего три пары! Этого было достаточно, чтобы познакомиться с расписанием и друг с другом, но не устать. Мы сговорились зайти в кафешку «Пересдача», что недалеко от университетского парка. Это культовое место, где тусовались студенты нашего вуза. Юля и Ксю предложили отметить Первое сентября и наше стремительное знакомство безалкогольными коктейлями и болтовней. Не дело пить алкашку в середине дня.

Мы устроились на летней веранде за столиком под большим зеленым зонтом. Было еще по-летнему тепло, солнце пригревало. Я заказала молочный коктейль с клубникой и с наслаждением потягивала его через трубочку, слушая, как Ксюша и Юля наперебой рассказывают о курсовых событиях, преподавателях и своих похождениях. Я начала по-настоящему расслабляться, чувствуя, что нашла своих новых друзей.

И вдруг на ближайшей парковке с визгом тормозов припарковалась черная иномарка, оглушительно просигналив два раза, будто возвещая о прибытии короля. Ксюша скривила свое милое личико под блондинистой челкой, будто укусила лимон:

— Блин, принесла нелегкая этого козла некастрированно-го...

Друзья, в рамках нашего литмоба «Горячий профессор», вышла новинка (18+) от дуэта авторов.

Профессор. Эксперимент на двоих

<https://litnet.com/shrt/DB0A>

Глава 6

Лера

Из машины с развязным, хозяйским видом вывалились Димка Горлов и трое его вечно вертящихся вокруг него прихвостней: Артем, долговязый и угрюмый, про него мне девочки еще в студенческом буфете рассказали, и двое других, чьих имен я еще не знала. Они направились напрямиком к нашему столику, словно стервятники, учуявшие легкую добычу.

— Ну что, красотки, скучаете без мужской компании? — начал Димка, его наглый взгляд скользнул по каждой из нас, но в итоге прилип ко мне, как липкая, противная паутина. — Места у вас много, подвинетесь для культурных людей? Отметим начало учебного года не этой детской блевотиной, — он кивнул на наши коктейли, — а по-взрослому. У меня в машине есть кое-что покрепче.

— У нас как раз мест хватает ровно на троих, — дерзко ответила Ксюша, выпрямляясь на стуле. — И отмечаем мы по-детски, зато с умом. А тебе, Горлов, давно пора понять, что не все хотят отмечать что-либо в вашей сомнительной компании далеко не культурных людей!

— Ты у меня договоришься, Смирнова, — рыкнул на нее Артем.

Юля молча сжала губы, но ее пальцы нервно теребили

край салфетки. А я чувствовала, как внутри меня закипает гнев. Хватит! Хватит уже терпеть это постоянное, наглое приставание! Папины уроки самообороны всплыли в памяти сами собой: «Дочка, главное — не показывать страх. Наглость и хамство всегда прутся от слабости».

Я собралась с духом, чтобы вернуть что-то язвительное и отрезвляющее, но в этот самый момент к кафе подошли три юные первокурсницы. Они озирались по сторонам, явно не решаясь зайти. Артем тут же оживился, как хищник, учуявший легкую добычу.

— Опа! А вот и свежее мясо! — громко процедил он и крикнул им, щелкнув пальцами: — Эй, красотки, не стесняйтесь! Не проходите мимо! Мы тоже студенты и готовы помочь вам отметить начало счастливой студенческой жизни! Покажем, как надо правильно отдыхать!

Девчонки, польщенные вниманием таких «крутых» старшекурсников, с кокетством и хихиканьем согласились и устроились с парнями за большим столиком в дальнем углу веранды. Перед тем как окончательно переключиться на новую забаву, Димка наклонился ко мне так близко, что я почувствовала запах его удушающего парфюма:

— Ладно, крошка, сегодня я тебя отпускаю. Но еще вернись. Не сомневайся. Такие строптивые телочки — самые сладкие.

Когда он, наконец, отвалил, присоединившись к своей шумной компании, Юлия тревожно нахмурилась:

— Лера, слушай, будь с ним начеку, серьезно. Кажется, Димка решил, что ты — его новая цель. Он любит своего добиваться, а отказ, как красная тряпка для быка, его только распаляет. Он из тех, кто считает, что все можно купить или взять силой.

— Не сегодня, — с облегчением фыркнула я, с отвращением наблюдая, как он уже обнимает за плечи одну из наивных первокурсниц, протягивая ей полный стакан с золотистым виски. — Смотрите, он уже переключился. Нашел, кого развлекать.

— Развлекать? — мрачно усмехнулась Ксюша, с ненавистью глядя в сторону гуляк. — Сейчас этих дурех напоят до потери пульса, а потом по очереди оттащат в машину и по очереди отчпокают. Они такое уже не раз проворачивали. А еще и на телефон могут снять, пока те спят или не могут дать отпор, а потом видео в студенческий чат выложить... Твари редкостные. И все им сходит с рук из-за кошелька папочки Горлова.

Мы быстро допили свои коктейли, которые вдруг стали казаться безвкусными. Смотреть на начинающийся у дальнего стола разгул, на глупые, уже заплетающиеся улыбки девочек и похотливые, уверенные лица парней, было невыносимо. Мы поспешно расплатились и ушли, оставив эту неприятную сцену позади.

Выходя с веранды на тротуар, я невольно оглянулась. И тут же встретила взглядом с Димкой. Он не сводил с ме-

ня глаз. Не смеялся, не улыбался. Просто смотрел. Это был не просто взгляд парня на девушку, это был взгляд хищника, который лишь на время отпустил добычу, чтобы позабавиться с другими, но уже мысленно пометил ее как свою собственность. От этого ледяного и похотливого, полного собственничества взгляда у меня по спине пробежал холодок, и стало физически страшно. Я резко отвернулась и почти побежала, догоняя уже ушедших вперед подруг, чувствуя взгляд Горлова у себя в затылке, словно красный огонек прицела.

Домой я вернулась к семи часам, к самому ужину.

— Ну что, наша студентка, как первый день? Не растерялась? — спросил папа, откладывая в сторону газету «Красная Звезда» и снимая читательские очки.

Его взгляд был внимательным, оценивающим.

Я повесила куртку и, тяжело вздохнув, плюхнулась на свой стул за столом.

— Да вроде... ничего, — начала я, — выжила. Познакомилась с двумя девчонками, Ксюшей и Юлей. Очень веселые, боевые. Преподы... — я закатила глаза для драматизма, — Лекцию по этнографии вела Мурашова, тучная такая, как бегемот в юбке. Всех «колхозными конями» назвала и пригрозила завалить на первом же семинаре. Вторую пару вел лысый дядька. Студенты ему кличку дали — Плафон. А третью лекцию провел молодой профессор... Войнов. — Я

произнесла его фамилию как можно более небрежно, сосредоточившись на сервировке стола.

Я сознательно не стала развивать тему Глеба, чувствуя, что на щеках снова выступает предательский румянец. — А у вас как день прошел? Владька, как в новой школе? Не подрался?

Мой брат, который до этого что-то увлеченно чертил в своем планшете стилусом, тут же оживился, его глаза загорелись:

— Школа — просто огонь! По сравнению с нашей старой — лютый космос! В кабинете физики новейшее оборудование, в спортзале евроремонт! Я сразу записался на кружок робототехники и на факультатив по физике! Думал, меня, как новенького, лупить будут. Придется отстаивать себя в бою, но я-то сын полковника, папа меня с детства рукопашному бою учил... — он бросил гордый взгляд на отца, — боялся, что кого-нибудь покалечу. Но представляете, в классе оказалось еще четверо новеньких мальчишек! Мы впятером — это уже сила, пришлось местным аборигенам с нами мирно знакомиться и принимать в стаю. Короче, первый день удался на славу!

Папа, скрыв улыбку, с деловой важностью сообщил, что у него теперь свой личный кабинет с видом на площадь и тремя, он подчеркнул это слово, секретными телефонами разных цветов на столе. А мама, сияя от счастья, как ребенок, рассказала, что нашла неподалеку уютный магазинчик, ко-

торый торгует сувенирами ручной работы, и его владелица, милейшая женщина, согласилась взять мамины изделия из бисера и вышивки на реализацию.

— Представляешь, Лер, теперь мои красотульки будут не только в интернете висеть, а их можно будет потрогать руками! — радовалась она.

И вот в этот момент, глядя на их сияющие, счастливые лица, я почувствовала, что все невзгоды дня, напряжение от новой обстановки и наглость Горлова, отступили куда-то далеко. Мы подняли бокалы с малиновым морсом.

— За первый учебный день в новом городе! — хором сказали мы, и по звону стаканов казалось, что все у нас действительно получится!

Друзья, представляю вам свою завершенную книгу "Измена. Не пытайся вернуть" Ох и досталось там нашей девочке, неопытной в жизненных вопросах...

Фея домашнего очага. Милая моя феечка... Так называл меня муж, когда мы были вместе. А оказалось, что у него есть еще и фея для постели.

Мне пришлось начинать новую жизнь с чужими людьми, когда любимый Ромка выкинул меня за дверь без вещей и денег... Зато с разбитой банкой соленых огурцов и мусорным пакетом в придачу.

Переходите по ссылке и читайте: <https://litnet.com/>

shrt/DPt_

Хорошего вам настроения и отличного дня!

Глава 7

Лера

Ночью мне приснился сон. Я стояла в пустой, погруженной в полумрак лекционной аудитории, прислонившись спиной к прохладной стене и ощущая шершавую штукатурку под ладонями. Вдруг он оказался рядом.

Глеб Андреевич... Войнов. Воин.

Не профессор в костюме, а просто мужчина. Только почему-то в очках. Он прижал меня к стене. Его тело было твердым и обжигающе горячим даже через одежду. Он не говорил ни слова, только смотрел в мои глаза своим пронзительным серым взглядом, в котором читалась не насмешка, а какая-то животная, неконтролируемая страсть. Потом его губы коснулись моих. Это был не просто нежный, а восхитительный поцелуй. Это было падение в бездну, землетрясение, взрыв, сметающий все барьеры и запреты. Его руки скользили по моей спине, зажигая огонь на своем пути, а губы были настойчивыми, безраздельно властными, заставляя отвечать ему с той же дикостью. Внутри меня все сжалось в тугую, сладкий, нетерпеливый узел, а потом распалось на миллиард сверкающих, горячих осколков чистого, ослепительного наслаждения, разливающегося по всему телу волнами.

Я проснулась от собственного тихого, сдавленного стоны, с бешено колотящимся сердцем, вся в поту, все еще чув-

ствуя на своих губах призрачное, но такое реальное и жгучее прикосновение. В комнате стояла глубокая ночная тишина, а внизу живота мышцы все еще сжимались и трепетали от пережитого во сне экстаза.

Новое утро началось с того, что я чуть не утопила свой нос в тарелке с овсянкой. Мамина овсянка, обычно такая вкусная, с малиновым вареньем, сегодня казалась безвкусной ватой. Виной всему были навязчивые, яркие кадры ночного сна, которые прокручивались у меня перед глазами, словно заевшая пластинка.

Я снова чувствовала на своих губах жар его поцелуев, ощущала, как крупные, сильные ладони Глеба прижимают меня к прохладной стене, слышала его низкое, хриплое дыхание у самого уха. Это было до мучительности реально.

— ...и вот эти чешские бусины, просто находка! — с энтузиазмом рассказывала мама, разглядывая через лупу новое приобретение. — Их гранят вручную, представляешь, Лер? Такого перелива я еще не видела.

— М-м-м, — промычала я в ответ, машинально помешивая ложкой в тарелке и глядя в одну точку.

— Что «м-м-м»? — мама, наконец, оторвалась от бусин и посмотрела на меня. — Ты как будто не в себе. Не заболела?

— Нет-нет, все хорошо, — поспешно отозвалась я, заставляя себя наполнить ложку и отправить ее в рот. — Просто

думаю о... о палеолите.

Со стороны стола отца раздался одобрительный хмык:

— Вот это правильный настрой, дочка. С утра — о палеолите. У нас в части так не умеют, — он отложил планшет со сводками и строго посмотрел на Влада. — Вот бы ты так об учебе с утра думал, а не в свои стрельалки утыкался во время еды.

— Пап, я не играю, я разрабатываю алгоритм для системы распознавания образов, — с достоинством парировал брат, не отрываясь от своего ноутбука. — Это намного сложнее, чем в палеолит тыкать палкой-копалкой.

Обычно я бы ввязалась в этот спор, но сегодня мне было не до того. Я витала в облаках, и эти облака были цвета загорелой кожи и пахли не овсянкой, а чем-то древесным и мужским, намек на этот аромат я уловила вчера в аудитории.

Пока я ехала в автобусе, трясаясь на протяжении шести остановок, я решила взять себя в руки самым радикальным образом — с помощью логики и цифр. Я уткнулась в экран телефона, где было сохранено расписание.

«Нет никакого Глеба Андреевича, — сурово сказала я себе мысленно. — Есть учебный план. Войнов Г.А. — всего лишь одна из его составляющих».

Я скользила пальцем по экрану, анализируя расписание. Две недели: верхняя и нижняя. Понедельник, верхняя неделя: лекция по археологии. Четверг, верхняя неделя: практическое занятие по археологии. Среда, нижняя неделя: еще

одна практика. Итого: три контакта за четырнадцать дней.

«Ничего страшного, — убеждала я себя, глядя окно автобуса. — Три раза — это не каждый день. Это даже не через день. Я вполне смогу контролировать себя. Не краснеть, не запинаться и не пялиться на него, как дура. Просто сесть и слушать. А чтобы наверняка... надо переключить внимание».

Эта мысль показалась мне гениальной.

«Конечно! Надо найти себе парня. Какого-нибудь симпатичного скромнягу с нашего или соседнего курса. Будем ходить в кино, держаться за руки, целоваться... И я забуду обо всех этих дурацких снах и ненужных фантазиях. Идеальный план».

С таким бодрым и обнадеживающим настроем я вышла на своей остановке. Засунула телефон в карман и, напевая себе под нос, направилась ко входу в Главный корпус, мысленно перебирая лица однокурсников. Была парочка более-менее симпатичных ребят... Надо будет присмотреться.

Я была так поглощена составлением мысленного каталога «кандидатов», что не смотрела по сторонам. И в самых дверях, сделав очередной шаг, я буквально врезалась во что-то высокое и теплое. Я отшатнулась растерявшись.

— Ой, простите! — выпалила я, поднимая глаза.

И обомлела. Передо мной стоял он. Глеб Андреевич. Он даже не пошатнулся от столкновения. Его серые глаза смотрели на меня с легкой, почти незаметной усмешкой, в угол-

ках собрались те самые смеющиеся лучики.

— Привет, студентка, — произнес он своим бархатным, с хрипотцой голосом. — Проходи. Не застревай в дверях. Здесь не пещера, раскопки не требуются.

Он сделал изящный шаг в сторону, галантно пропуская меня вперед. Мое сердце заколотилось с такой силой, что, казалось, его стук слышно на весь холл. По щекам разлился огненный румянец, и я почувствовала, как уши наливаются жаром.

— З-здравствуйте... — прошептала я, чувствуя себя полной идиоткой. — Спасибо... — снова выдавила я и, не помня себя, ринулась прочь, вглубь холла, почти бегом пустилась к лестнице.

Я боялась и стыдилась оглянуться, но кожей спины чувствовала его взгляд, тяжелый и насмешливый. А перед глазами, словно назло, снова всплыли те самые, порочные и такие сладкие сцены из сна. Черт бы побрал эту ночь, мое разыгравшееся воображение и его чертовски красивые, насмешливые глаза!

Друзья, встречайте новинку нашего литмоба «Горячий профессор» от Татьяны Каневской

Профессор. Его запетная https://litnet.com/shrt/V_sK

Порог аудитории переступает высокий, широкоплечий мужчина. Одного взгляда на него мне хватает,

чтобы узнать вчерашнего клиента из клуба.

Он обводит взглядом аудиторию и останавливается на мне. Карие глаза прожигают насквозь. Его губы растягиваются в опасной хищной улыбке, а у меня ноги слабеют. Я оседаю на сидение, чувствуя, как холодок проходит по позвоночнику, и опускаю голову. Как будто это поможет мне скрыться от этого Льва.

- Что с тобой, Ариш? Ты побледнела...

- Попала я, Алина, по полной...

Глава 8

Лера

Аудитория, где проходило Архивоведение, располагалась в самом старом крыле корпуса и, казалось, сама по себе была экспонатом. Пахло пылью, старым деревом и тлением бумаги. Мы уселись за массивные дубовые парты, испещренные надписями поколений студентов, и ждали.

Преподавательница, войдя, установила в аудитории новый уровень тишины.

— Доброе утро, — она оглядела нас придиричивым взглядом. — Тихо! Я Суркова Аглая Денисовна.

Высокая, худая, почти аскетичная женщина в строгом костюме цвета хаки. Ее лицо было испещрено морщинами, которые легли таким строгим, геометрически выверенным узором, будто она сама себя откаталогизировала. Она села за кафедру, положила перед собой тонкие, почти прозрачные руки с длинными пальцами и обвела нас взглядом, от которого замерли даже мухи на подоконнике.

— Коллеги, — начала она голосом, похожим на скрип несмазанной двери в заброшенном архиве. — Прежде чем мы погрузимся в изучение конкретных методик, мы должны понять философию нашей профессии. Речь пойдет о краеугольном камне, о фундаменте, на котором зиждется все здание исторического знания. О систематизации и каталогиза-

ции.

Она сделала паузу, дав нам проникнуться важностью момента. В аудитории стояла гробовая тишина.

— Весь мирозданный порядок, — продолжила она, возведя глаза к потолку, — от мельчайшей пылинки, танцующей в луче света, до грандиознейших галактик, вращающихся в пустоте, стремится к хаосу. Энтропия — вот единственный закон вселенной. Наша же задача, задача историков-архивистов, — противопоставить этому слепому и безжалостному хаосу стройную, выверенную, рукотворную систему. Мы должны каталогизировать, описать, инвентаризировать, разложить по полочкам и внести в реестры всё, что только поддается описанию и учету. Каждый документ, каждый факт, каждый артефакт, каждое свидетельство эпохи должно обрести свой уникальный, неповторяющийся шифр, свое, раз и навсегда определенное место в бесконечном ряду себе подобных. Только так, только через жесткую, почти военную дисциплину ума, мы сможем обуздать текущую реку времени, остановить распад и сделать прошлое понятным, доступным и, главное, управляемым для будущих поколений. Мы — часовые на рубеже между бытием и забвением.

Я слушала раскрыв рот, стараясь не пропустить ни слова. Было что-то гипнотическое в ее речи и в этом фанатичном блеске глаз. Но Ксюша, сидевшая рядом, обладала иммунитетом к подобному гипнозу. Наклонившись ко мне, она прошептала с убийственной серьезностью на лице:

— Поняла. Вечером, вместо сериала, составлю подробный каталог всех своих трусов. Разложу по цветам, фасонам, степени поношенности и сезонности. Внесу свой скромный вклад в борьбу со вселенским хаосом.

Я фыркнула, давясь смехом. Юля, подхватив эстафету, так же шепотом добавила:

— А я займусь лифчиками. Разделю на повседневные, парадные, «на удачу» и «про запас, вдруг грудь вырастет».

Они обе уставились на меня, ожидая продолжения. Я пожала плечами, стараясь сохранять невозмутимость, хотя плечи уже тряслись от смеха.

— Самое интересное вы уже разобрали. Мне остались носки и колготки. Буду классифицировать по степени дырявости. От «едва заметная прореха» до «швейцарский сыр».

Мы трое дружно затряслись от беззвучного хохота, давясь и закрывая рты ладонями. К несчастью, наша тихая истерика не ускользнула от слуха Аглаи Денисовны, который, видимо, был настроен на улавливание малейших признаков неподобающего поведения.

— У нас тут, я смотрю, присутствуют большие энтузиасты архивного дела, — произнесла она ледяным тоном, от которого кровь застыла в жилах. — Не хотите ли поделиться с аудиторией источником такого неукротимого веселья? Может, вы уже нашли ошибку в моей системе?

Сердце у меня ушло в пятки и провалилось куда-то под пол. Но Ксюша, не моргнув глазом, поднялась с места с ви-

дом невинной овечки.

— Аглая Денисовна, мы просто не можем сдержать восхищения мощью и масштабом вашей концепции! — заявила она так, будто выступала с трибуны на научном симпозиуме. — Мы осознали всю глубину и важность системного подхода, и он нашел отклик в наших сердцах. Мы просто... восхищаемся.

Преподавательница сузила глаза, явно сомневаясь в искренности этих слов, но, не найдя прямого подвоха, кивнула с холодным удовлетворением:

— Приятно слышать. В таком случае ваше восхищение лучше направить в практическое русло. Откройте тетради и записывайте основные принципы классификации...

Мы переглянулись, как провинившиеся школьницы, и уткнулись носами в парты. Еще минут десять мы не могли успокоиться, перешептываясь урывками.

— Представляю, как она дома у себя в квартире все расставила по алфавиту, — еле слышно бросила Юля, выводя в тетради закорючки. — Даже туалетную бумагу, наверное, пронумеровала.

— А зубные щетки у нее, наверное, стоят строго под углом в девяносто градусов к раковине, — добавила Ксю, изображая рвение.

— И тапочки, — закончила я, — выстроены в линию с сантиметровой точностью. И компасом проверено.

После этого мы утомонились, и занятие пошло своим че-

редом.

На второй паре нас ждала довольно скучная лекция по Теории и методологии истории, а на третьей — более живая по Музееведению.

Я с удивлением заметила, что за весь день не видела ни Горлова, ни его свиты.

— А где наш охамевший мажорик? — поинтересовалась я на перерыве. — Неужели дал нам передышку?

— А, этот... — Ксюша презрительно фыркнула, разворачивая шоколадный батончик, — видимо, вчера так набухался с друзьями, что еле дополз до дома. А до этого все силы потратил на тех наивных первокурсниц, обучал их «азам студенческой жизни». Честно, пусть лучше бухает. Почаще бы так. Может, от цирроза печенка откажет раньше, чем он кого-нибудь изнасилует по-настоящему.

Мы не стали развивать эту неприятную тему, переключившись на более радостное: на третьем курсе, наконец-то, не было непрофильных предметов, от которых мы все так устали на первых двух. Никакой высшей математики, нагоняющей тоску, никакой занудной философии и, о божественное облегчение, никакой физкультуры в восемь утра! А самый главный подарок судьбы — на верхней неделе нам сделали пятницу днем самостоятельной работы. Фактически — еще одним выходным! При пятидневной учебной неделе это было просто шикарно.

Я мысленно похвалила себя за выбор университета и фа-

культета. А еще решила, что в эту самую пятницу не буду бездельничать, а схожу в студенческую библиотеку. Поштую литературу по археологии в читальном зале.

Дорогие читатели, представляю вам самую веселую книгу об измене! Столько восторженных отзывов о предательстве мужа и приключениях обманутой жены, я еще не встречала))). Заходите на мой аккаунт, читайте «Измена. Доигрался, милый!» и смейтесь. <https://litnet.com/shrt/b2-C>

Хорошего вам настроения и отличного дня!

Глава 9

Лера

Следующие два дня учебы прошли на удивление спокойно и продуктивно. Я уже начала привыкать к новому ритму.

Практическое занятие по археологии, которого я одновременно ждала и боялась, наконец настало. Я заставила себя не нервничать, внушая, что главное — это наука, а не преподаватель.

Лаборатория археологии была просторным помещением с большими столами, заставленными микроскопами, ящиками с инструментами и стеллажами, уставленными всякими интересными штуками.

Когда Глеб Андреевич вошел, то поставил на демонстрационный стол картонный ящик и начал молча раздавать нам странные, неровные комки, размером с крупный грейпфрут. Они были тяжелыми, серыми и состояли из застывшей смеси цемента, песка и мелких камешков.

— Уважаемые копатели, — наконец раздался бархатный голос преподавателя, когда все обзавелись своими «сокровищами». — Перед вами — новодел. Бездыханные и бесполезные куски строительной смеси, которые я специально изготовил еще летом. Они не представляют никакой исторической ценности. Но! — он сделал драматическую паузу, и в его глазах заплясали веселые чертики. — Внутри каждого из

них я замуровал древние хрупкие артефакты. Ваша задача на сегодня: при помощи вот этих инструментов, — он указал на разложенные на столах кисточки, иглы, скальпели, деревянные стержни и маленькие киянки, — извлечь находку на свет божий, нанося ей как можно меньше урона. Представьте, что перед вами не цемент, а спрессованный песок веков, а внутри — уникальная, никому не ведомая находка, которая рассыплется в прах от одного неверного движения. Чувствуйте материал. Слушайте его. Ваши руки — это ваш главный инструмент. После занятия артефакты можете оставить себе!

Зазвучал возбужденный, деловой гул. Все принялись за работу. Атмосфера в лаборатории стала похожа на мастерскую сумасшедших алхимиков или ювелиров. Стоял негромкий стук киянок, скрежет иглок и скальпелей о цемент, летела серая пыль и слышались возгласы:

— Ой, кажется, я отколол кусок! Кажется, это был артефакт!

— Да это же просто камень, смотри!

— У меня вроде что-то блестит! Надо аккуратнее...

— Блин! Я, кажется, иголку сломал!

Воин не сидел на месте. Он расхаживал между столами, заглядывал через плечи, иногда брал инструмент и показывал, как правильно подцепить край, чтобы отколоть кусок, не повредив то, что внутри.

— Не дыши на него так сильно, он не замерз, — с усмешкой сказал он парню, который яростно дул на свой комок.

— Ты не на картошке яму копаешь, а препарлируешь историю, — пожурил он другого, который работал скальпелем как лопатой.

— Вот видишь, — его голос прозвучал прямо у моего уха, и я вздрогнула, — освобождай его аккуратными движениями, ты уже видишь контур. Не спеши.

Я с замиранием сердца работала над своим комком. Внутри угадывалось что-то округлое и хрупкое. Я старалась дышать ровно, счищая песчинку за песчинкой, откалывая маленькие кусочки цемента кончиком иглы. Это было невероятно медитативно и увлекательно. Весь мир сузился до этого куска и тонкого металлического стержня в моих пальцах. Я даже на время забыла, кто стоит у меня за спиной.

К концу занятия большинство «археологов» уже похвастались своими «находками». Ксюша, покрасневшая от усилий и покрытая цементной пылью, с торжеством извлекла из недр своего блока... стограммовый граненый стакан.

— Ура! Я нашла священный Грааль! — объявила она на всю лабораторию.

— Поздравляю с открытием, — не меняя выражения лица, произнес Глеб Андреевич, подходя к ней. — К сожалению, моя экспертиза констатирует: вы повредили его. Вон тот отколотый краешек, эх... Ценнейшая находка конца пятнадцатого века, предположительно из венецианского стекла, безвозвратно испорчена. Условно, конечно.

Все вокруг засмеялись.

У Юли в цементе оказалась замурована десятирублевая монета, которую она тут же окрестила «сокровищами древних пиратов Карибского моря, занесенных штормом в уральские степи».

Наконец, и я добралась до своего артефакта. Это была маленькая, но идеально сохранившаяся, ракушка от рапана.

— Отличная работа, Лера, — похвалил меня Воин.

Я снова покраснела. На этот раз не от смущения, а от радости. Глеб Андреевич стоял рядом и смотрел на мою находку, лежавшую на стальном подносе. — Ни одного скола, ни одной царапины. Чистая, аккуратная работа. Видно, что руки растут из правильного места, и голова думает.

От этих слов мне стало настолько тепло и радостно внутри, будто мне вручили не ракушку, а Нобелевскую премию по археологии.

После занятия, выходя из лаборатории и направляясь к гардеробу, я не могла удержаться от восторгов. Эйфория от успешно выполненной задачи переполняла меня.

— Это было так здорово! — говорила я подругам, закидывая лямку рюкзака на плечо. — Такой живой и понятный метод! Не просто слушать, а самой все делать. И это же он сам все придумал, эти комки. Совсем не то, что сухая теория и черно-белые картинки в учебниках. Понимаете?

— Ага, Воин крутой, — согласилась Ксюша, — не то, что Суркова из архивного отдела.

— Офигенный, — кивнула Юля с чувством, — настоя-

щий профессионал, который умеет заинтересовать.

— И умный, — добавила я просто потому, что не могла остановиться и мне нужно было выплеснуть переполняющие меня эмоции.

— Спасибо за комплимент, — прямо за моим плечом раздался голос Воина...

Оказывается, он вышел следом за нами, а я и не заметила. Рассыпаюсь тут в похвалах. Блин...

Мы замерли, а он пошел по коридору своей уверенной, легкой походкой, оставив меня стоять с раскрытым от изумления ртом и пунцовыми, пылающими щеками.

Друзья, в рамках нашего литмоба "Горячий профессор" вышла новинка от Саши Девятовой

Профессор. Я (не) готова

<https://litnet.com/shrt/a9eP>

— Если твой отец узнает, чем мы занимаемся вместо экономики, нам конец, — его губы скользят по моей шее, оставляя жаркий след на коже.

Он не профессор, но играет свою роль блестяще.

Ненавижу его, за то что проник в нашу семью, за то что врёт и использует меня в своих хитрых махинациях. Но еще больше я ненавижу то, что без него не могу дышать.

Наша игра в кошки-мышки превращается в опасный поединок, где проигравший потеряет всё...

Глава 10

Глеб

А ведь это самое интересное в моей преподавательской работе — наблюдать за ними, вчерашними школьниками, когда они впервые берут в руки не ручку, а настоящий археологический инструмент. Обычные комки цемента для них, как запечатанные сокровищницы.

Ручонки дрожат от волнения, глазенки горят таким азартным огоньком, что, кажется, сейчас искры посыплются. А эти высунутые от усердия кончики языков! Прямо как у малышни в детском саду, которая впервые пытается вырезать снежинку из бумаги. Мило и трогательно до глубины души.

В этой искренней и неподдельной увлеченности, в этом детском восторге есть что-то очищающее. Это напоминает мне, зачем я вообще занялся своей профессией. А уж какие возгласы и фантастические догадки раздаются, когда они, наконец, добираются до краешка своего «артефакта»! Им в этот унылый ком из цемента, песка и камешков хоть старую жеваную жвачку засунь — будут счастливы, как первооткрыватели гробницы Тутанхамона, когда аккуратно извлекут ее.

Мы, матерые археологи, в сущности, ничем от них не отличаемся. Только притворяемся, что мы такие солидные и серьезные. А на самом деле радуемся, как дети, когда из земли показывается самый заурядный черепок от разбитого

горшка, хотя подобных обломков в музейных запасниках и институтских хранилищах — пруд пруди. Найдешь зуб доисторической акулы-мегалодона и уже чувствуешь себя героем приключенческого романа. А уж если речь заходит о бивне мамонта или, что вообще бывает раз в жизни, о целом мамонтенке, сохранившемся в вечной мерзлоте... Это уже не просто работа, это настоящая профессиональная эйфория, ради которой стоило променять теплый кабинет на ветер, дожди и палящее солнце раскопок.

Сегодня, расхаживая между столами, я наблюдал за ними. Вот Ксюша Смирнова, обычно такая болтливая и ершистая, сжала губы в тонкую ниточку и с маниакальным упорством, не отрываясь, долбила по своему блоку, словно дятел. Рыжий Веселков, весельчак и балагур, уже наполовину отколу-пал цемент и с гордым видом показывал соседу находку, жестикулируя и что-то громко шепча. А та, новенькая — Лера Антонова, работала с удивительным для неопытного студента терпением и тактом. Не спешила, не ломилась напролом, не пыталась расколоть комок одним ударом. Она будто чувствовала материал, вела с ним диалог. И ведь добыла ту ракушку — идеально. Ни скола, ни царапины. Чистая, ювелирная работа. Глаза у нее, кстати, очень выразительные. Карие, теплые, с золотистыми искорками, которые загораются особым светом, когда она чем-то увлечена. Умные глаза.

Выходя из кабинета после занятия, я невольно подслушал их разговор. Девчонки перебрасывались шутками, хвалили

мой метод, а Лера выдала целую, искреннюю тираду: «Настоящий профессионал... И умный». «Умный»... Прозвучало так неожиданно просто и по-деловому, что я решил поблагодарить. И увидел, как она залилась краской, словно ее поймали на чем-то предосудительном. Забавно и... мило.

Теперь, сидя в своем кабинете и бегло просматривая конспекты перед следующей лекцией, я ловил себя на мысли, что стоит присмотреться к Антоновой повнимательнее. Смелка явно есть, руки, что называется, ровные. Если у нее действительно есть искренний, неподдельный интерес к археологии, то она могла бы стать тем самым пятым, недостающим членом нашей небольшой экспедиции на Ставрополье.

Парни-трудяги есть, целеустремленная, хоть и мрачноватая девушка с будущим в антропологии есть... А вот кого-то с таким аккуратным, вдумчивым подходом и вот этими самыми горящими глазами не хватает. Нужен человек, который чувствует материал.

Но торопиться не стоит. Странная она какая-то, эта Лера. Буквально на ровном месте краснеет, как маков цвет. Может, у нее с давлением проблемы? Или вегетососудистая дистония, что в наши нервные годы не редкость. Надо будет как-нибудь, между делом, спросить.

Мысль о том, что ее смущение может быть как-то связано именно со мной, даже не пришла в голову. Она же ведет себя совершенно не так, как те, кто постоянно крутится вокруг. Не строит глазки, не хихикает дурашливо при моем появле-

нии, не носит вызывающие декольте, пытаясь привлечь внимание. Ведет себя... прилично, что ли. Скромно. Что сейчас, согласитесь, большая редкость.

И от этой самой «приличности» и скромности в памяти вдруг сама собой всплыла, словно из-под толщи лет, совсем другая, горькая картинка.

Пять лет назад.

Я приехал на престижный научный симпозиум в Москву. Со мной за компанию прибыла Ольга, моя невеста. До свадьбы оставалось каких-то два месяца. Она поехала, чтобы «погулять по столице», пока я буду пропадать на заседаниях и ученых советах.

Особенно ярко врезался в память банкет в одном из шикарных ресторанов в честь окончания симпозиума. Нас тогда представили одному очень важному и, что главное, богатому человеку, крупному бизнесмену-меценату, спонсирующему несколько НИИ. Я что-то увлеченно рассказывал о наших последних находках в пещерах, а он кивал с вежливым, но абсолютно отсутствующим видом, поглядывая на часы. А вот Ольга начала вести себя странно...

Она изящным, будто случайным жестом поправила свое вечернее платье, и глубокое декольте стало еще глубже, обнажая соблазнительную линию груди. Потом она призывно, томно улыбнулась этому богачу, ее взгляд стал влажным и заигрывающим, и она буквально захлопала ресницами, слушая его рассказы о яхтах и виллах с таким видом, будто он

вещает высшую истину. А всего пару часов назад она зевала, слушая мои восторги по поводу стратиграфии культурного слоя, и называла это «занудством».

В тот вечер для меня все вдруг встало на свои места, кристально ясно и очень больно...

Обратно домой я летел уже один. Ольга позже, как я слышал, переехала в Москву. Стала любовницей того самого женатого «кошелька».

С тех пор я научился держать дистанцию. И студентки, которые видят во мне не преподавателя и ученого, а в первую очередь «самца», вызывают у меня лишь насмешку и скуку. Слишком уж прозрачны, предсказуемы и пошлы их маневры.

Я не живу монахом. Есть подруги, для отношений без обязательств. А хочется нормальной семьи. И жену, которая не станет себя предлагать другим...

Друзья, в рамках нашего литмоба вышла горячая новинка (18+) от Анны Эдлин

МОЙ ОПАСНЫЙ ПРОФЕССОР

<https://litnet.com/shrt/DbDJ>

Я не собиралась его ненавидеть.

И влюбляться в него тоже не планировала.

Александр Сергеевич Градов — профессор права, адвокат с собственной фирмой и глазами, от взгляда которых хочется либо бежать, либо растечься лужицей у его

ног.

Холодный. Недостигаемый. Опасно притягательный.

Проиграв пари подругам, я должна признаться ему в любви.

Глупая шутка. Невинная выходка.

До тех пор, пока я не выдыхаю: — Я люблю вас, профессор.

А позже вечером сталкиваюсь с ним снова — там, где нет правил, нет границ... и нет свидетелей.

Глава 11

Лера

У-у-ух! Пятница! Божественный, прекрасный, самый лучший день недели! День самостоятельной подготовки, который с третьего курса стал для нас настоящим подарком судьбы. Как же это гениально — иметь целый официальный выходной посреди учебной недели! Можно выспаться как следует. Не нужно никуда бежать сломя голову. И весь долгий-предолгий день в твоём полном и безраздельном распоряжении. Можно заняться чем угодно: от бездумного валяния на диване до штурма вершин мировой науки.

Я проснулась поздно, да ещё позволила себе поваляться в тёплой, уютной кровати, растягивая удовольствие. Когда, наконец, словно королева, вышла на кухню, папы и Влада уже не было. Они ушли по своим мужским делам: один — командовать, другой — учиться в школу.

За столом в лучах утреннего солнца сидела мама, полностью погружённая в своё тихое волшебство. На чёрном бархате будущего вечернего клатча под её ловкими, почти летающими пальцами, рождался великолепный зимний узор. Серебристые, белоснежные и холодные синие стекляшки складывались в ветви, покрытых инеем деревьев и в сверкающие снежинки. Получалось настолько потрясающе красиво и дорого, что дух захватывало.

— Красота-то какая... — выдохнула я, садясь напротив и подпирая подбородок ладонями. — Прямо как в сказке.

— Правда, дочка? — мама улыбнулась, ненадолго оторвавшись от работы. — Надеюсь, в магазине такой не залежится. Люди всегда чувствуют вещи, сделанные с душой. Их тянет к чему-то настоящему.

Я с теплотой и легкой грустью смотрела на нее. Много лет назад мама, застряв с папой в очередном захолустном военном городке, где для жены офицера приличной работы просто не существовало, не стала унывать и впадать в тоску. Она взяла бисер, нитки, иголки, свою невероятную усидчивость... и создала маленький, но гордый бизнес. Потом оформила красивый сайт и уютные группы в соцсетях. Теперь ее работы разъезжались по всей стране, даря людям капельку ее творчества.

— Главное, чтобы твои «красотульки» не разбирали прямо с тебя, как в тот раз на той выставке народных промыслов, — пошутила я, наливая себе чай.

— Ах, не напоминай про тот ужас! — засмеялась мама, и на ее щеках выступили ямочки. — Я потом весь вечер не могла понять, куда делась та брошь с совой, что я на блузку приколола для красоты. Оказалось, какая-то очень решительная дама так в нее влюбилась, что просто подошла, растянула застежку и приколола к своему пальто, а ее бедный муж потом прибегал, кошельком размахивал, чуть не плача от стыда... Стыд и срам! Но зато приятно, что понравилось.

Позавтракав и помыв посуду, я, как и планировала, отправилась в студенческую библиотеку. В моем прежнем, провинциальном университете библиотека была до смешного скудной. Но Юля и Ксюша еще накануне в один голос твердили, что наше книгохранилище — просто заповедник знаний.

— Там есть такие фолианты, — с восторгом говорила Юля, водя пальцем по воздуху, — которые даже в интернете не найдешь, их никто не оцифровывал. Настоящий клондайк для истинных ботанов и фанатов своего дела.

Подруги не преувеличивали. Читальный зал оказался огромным, светлым, с высокими потолками и по-настоящему торжественным. Пахло старым деревом, переплетами и тишиной — не мертвой, а насыщенной, мыслимой. Я с трепетом заполнила карточку и с почти религиозным благоговением отдала его строгой женщине за конторкой. Через некоторое время она принесла мне несколько старых, потрепанных временем, пахнувших тайной и прошлым томов по археологии и методам полевых исследований.

Я погрузилась в чтение. Сидела и делала выписки в свою новенькую тетрадь, забыв о времени, полностью уйдя в мир древних культур, сложных методов датировки и тонкостей описания артефактов. Прошло почти два часа, а мне казалось, что пролетело пятнадцать минут. Я была на другой планете, в другом времени.

Неожиданно прямо у моего уха, раздался тихий, до боли

знакомый баритон:

— Привет, студентка. Трудишься?

Я аж подпрыгнула на стуле от неожиданности, сердце бешено заколотилось, и, резко вскакивая, я со всей дури ударила макушкой о наклоненный ко мне подбородок. Раздался глухой, костяной стук.

— Ай! — вырвалось у нас одновременно, дуэтом.

Я схватилась за голову, Воин за подбородок.

Я готова была провалиться сквозь щели в паркете от дикого стыда, испуга и нелепости ситуации.

— Простите! Я не... я не заметила... я не думала... — залепетала я, чувствуя, как по моему лицу разливается знакомый, предательский пожар.

— Ничего страшного, студентка, — он потер подбородок, поморщился и вдруг тихо рассмеялся, коротко и как-то по-доброму. — Зато бдительность у тебя отменная. Прямо как у сторожевого пса.

Я тоже с огромным облегчением рассмеялась, чувствуя, как жарко становится всему телу.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — прошептала я, опасно оглядываясь на других читателей, которые уже начали с интересом поглядывать в нашу сторону.

Глеб Андреевич кивнул, все еще потирая подбородок, и опустил на стул рядом со мной. Я заметила, что в его руке тоже была книга, толстая и в темном переплете.

— Что читаешь? — так же тихо спросил он, взглянув на

мою внушительную стопку.

Его взгляд, опытный и быстрый, скользнул по корешкам, и он одобритительно кивнул:

— Молодец. Серьезную, фундаментальную литературу выбрала. Не ограничиваешься конспектами лекций.

Я немного расслабилась от его спокойной улыбки и неформального тона и прошептала, чуть склонившись к нему над столом:

— Мне очень понравилось на практике... Добывать эти артефакты. Это же так здорово! И то, как вы на лекции рассказывали про свои раскопки, про эти пещеры... Я тоже пойду в науку. По-настоящему. Хочу участвовать в открытиях. Ну, знаете, как того Денисовского человека нашли, почти случайно... — я замолчала, боясь показаться глупой и наивной школьницей, но энтузиазм и желание поделиться перевесили смущение. — А вдруг какие-то мифические места, вроде Шамбалы, действительно существовали и просто погребены под толщей пород где-нибудь в Гималаях? Или Авалон... Да даже не обязательно что-то эзотерическое! Вот представьте: древняя, забытая всеми церковь в какой-нибудь глухой русской деревне. Под ней же могут быть целые сети каменных катакомб, где веками хранились какие-то уникальные священные реликвии... или просто следы быта давно исчезнувших людей, о которых мы ничего не знаем! Это же так захватывающе!

Я говорила, а он слушал, не перебивая, положив подбо-

родок на сцепленные пальцы. На его лице играла та самая, чуть насмешливая, но по-доброму понимающая улыбка. Потом он кивнул, и в его глазах мелькнула теплая тень:

— Понимаю. У меня в студенчестве были точно такие же мечты и горящие глаза. Помню, свою первую, самую настоящую экспедицию... Мы копали поселение эпохи неолита, и я нашел каменный резец. Самый обычный, затупленный кусок кремня. Но для меня он в тот момент был ценнее любого золота. Я его дома в коробочке из-под маминых духов хранил, как величайший талисман. До сих пор где-то лежит.

Мы просидели так еще минут десять-пятнадцать. Он рассказывал забавные и курьезные случаи из своих первых поездок, а я слушала раскрыв рот и ловя каждое слово. Мы говорили почти шепотом, но наш оживленный, эмоциональный диалог, все же нарушил устоявшуюся библиотечную идиллию. Пожилая и очень серьезная женщина за соседним столом сердито посмотрела на нас через очки и прошипела с настоящей ненавистью:

— Молодые люди! Я не знаю, что вы здесь обсуждаете, но напоминаю: здесь библиотека, а не клуб знакомств! Тишина должна быть в библиотеке! Вы мешаете окружающим!

Мы разом замолчали, как пойманные на месте преступления. Глеб Андреевич извиняюще кивнул женщине и медленно поднялся:

— Ладно, не будем нарушать покой истинных ценителей тишины, — сказал он шепотом и добавил, — слушай, Лера,

у меня дома есть одна уникальная книга по этой теме. Ее ни в одной библиотеке не найдешь, она букинистическая, раритет. В интернете ее тоже нет. Хочешь прочитать?

Друзья, в рамках нашего литмоба «Горячий профессор» вышла жаркая новинка от Саши Вайт

Профессор. Экзамен для недоτροги

<https://litnet.com/shrt/ziTX>

Роман Темнов — самый молодой профессор университета. Звезда кафедры. Гениальный преподаватель и автор нескольких книг по психологии.

Про него говорят, что он редкий сердцеед и циничный мерзавец.

Он неприлично хорош собой. Два метра магнетической харизмы под идеальным костюмом. И он мой научный руководитель.

Мне нужно любой ценой закончить аспирантуру, чтобы не возвращаться под отцовский контроль. Только как писать кандидатскую, когда от близости опасного профессора у меня дрожат колени?

Глава 12

Лера

Услышав его, казалось бы, безобидное предложение, я внутренне застыла, словно столбняк словила. В голове пронеслась паническая, истеричная мысль: «Ага, ну конечно! Классика жанра! Книжка... дома... Идем ко мне... «Приходи ко мне на баню, я там тебя оттарабаню»!

Кобель ученый! Пользуется своей неотразимостью, своим положением и заманивает доверчивых, глупых студенток в холостяцкое логово! Так вот ты какой, Глеб Андреевич! А я-то думала, ты другой, что ты выше этих пошлых игр!

Я почувствовала, как по мне, волной прокатывается горячее, праведное возмущение. Как он смеет? Я ему про науку, про мечты, а он... он!

Я уже сделала глубокий, дрожащий вдох, собираясь выдать что-то громкое, вроде: «Нет уж, Глеб Андреевич, спасибо, я не из таких! Я вас, оказывается, неправильно поняла!», и, наверное, надела бы свое самое оскорбленное, ледяное и добродетельное лицо, достойное героини какого-нибудь нравоучительного романа.

Но он, словно прочитав мои бурные и нелепые мысли, спокойно, без единой ухмылки или двусмысленного подмигивания деловито добавил:

— Я ее принесу, когда у вас лекция будет. В понедельник.

Подойдешь ко мне на перемене, и я тебе книгу отдам. Ознакомишься и вернешь, когда будет удобно.

Тут весь мой пафосный, напускной гнев схлопнулся, как воздушный шарик, проколотый иглой. Я почувствовала себя полной, беспросветной, невообразимой дурой и истеричкой, которая строит из себя невесту что и везде ищет подвоха. Глеб Андреевич просто предлагает книгу! Как старший, более опытный товарищ перспективному и заинтересованному студенту! Всего лишь книгу, мать мою — волшебницу!

— Ой... — единственный глупый звук, что я смогла выдать из пересохшего горла. Потом, опомнившись, прошептала: — Спасибо большое. Я буду очень благодарна. Конечно, подойду... Обязательно.

И конечно же, я снова предательски, густо покраснела. До самых мочек ушей. Прямо почувствовала себя идиотским светофором, который заедало на красном сигнале, и который никак не может переключиться на зеленый.

Глеб Андреевич внимательно посмотрел на мое алое, пылающее лицо, и его собственные брови слегка и с искренней озабоченностью сдвинулись. В его глазах мелькнула тревога:

— Слушай, Антонова, — сказал он, слегка наклонившись ко мне. — У тебя проблем с давлением нет? А то ты как-то уж очень часто краснеешь. Я знаю одного отличного кардиолога в городе, могу дать контакты.

Я чуть не поперхнулась от нелепости и комичности ситуации. Меня только что приняли за хроника с больным серд-

цем!

— Нет-нет! — поспешно, почти отчаянно заверила я его, мечтая в этот момент, чтобы пол подо мной разверзся и поглотил меня вместе со всем моим стыдом. — Я совершенно здорова! Это просто... такая особенность организма. Обмен веществ. Или нервная система очень отзывчивая.

Я безнадежно махнула рукой, понимая, что оправдания звучат все глупее, а очкастая тетка снова зашипела на нас:

— Да сколько можно! Я буду жаловаться! Тишина должна быть в библиотеке!

Воин даже не обратил на нее внимания, но кивнул мне:

— Ясно. Тогда пока, студентка.

Он развернулся и ушел своим уверенным, легким шагом, оставив меня в полном одиночестве с моими горящими щеками. Я закрыла лицо ладонями и несколько минут просто сидела, тихо сгорая от стыда.

«Дура, дура, дура... — безжалостно бичевала я себя. — Он проявил чисто человеческое участие, а ты... ты в своем воспаленном воображении уже сочинила целый порнофильм с его участием! Какой же кошмар! Он теперь наверняка думает, что я не только краснеющая девица, но и идиотка!»

Все ученые, возвышенные мысли после этого напрочь отказались лезть в мою бедную голову. Я еще с полчаса безуспешно пыталась вникнуть в сложный текст о стратиграфии, но перед глазами у меня стояло обеспокоенное лицо преподавателя и звучало дурацкое, заботливое предложение

про кардиолога.

В итоге, с глубоким вздохом поражения, я собрала свои вещи, сдала книги и пошла домой, чувствуя себя абсолютно разбитой и морально уничтоженной.

К счастью, вечером меня ждало долгожданное и своевременное отвлечение: еще накануне Юля и Ксю позвали меня сходить в один модный ночной клуб.

— Надо же как следует отметить твоё успешное прибытие и вливание в наш дружный факультетский коллектив! — убедительно сказала Ксюша.

Когда я сообщила об этом дома, то проблем не возникло. Родители отпустили меня. Правда, мама заметно волновалась:

— Новый город, Лер, новые люди... Ты там будь осторожнее, дочка. Незнакомые мужчины, выпивка...»

Вечером за ужином, пока я с аппетитом уплетала мамины драники со сметаной, она выдавала подробную инструкцию по технике безопасности, словно я до этого не жила два года в чужом городе и без родни:

— Лера, помни золотое правило: много не пей, тем более всякую непонятную гадость. Одна домой ни в коем случае не возвращайся, только с девочками. И такси вызывай только официальное, по приложению, а не лови первого попавшегося бомбилу, поняла? Мир жесток, солнышко.

Я кивала, улыбаясь ее заботе. Папа все это время молча слушал, ковыряясь в тарелке с очень серьезным, почти суро-

вым, командирским видом. Потом он отложил нож с вилкой, вытер салфеткой губы и заявил на полном, непоколебимом серьезе:

— Знаешь что, Наталья? Я сейчас позвоню своему знакомому подполковнику полиции и попрошу его, чтобы в этом клубе два десятка оперативников в штатском разместили: нашу Лерку охранять. И чтоб никто к ней не приставал и даже близко не подходил. И чтоб музыка была не громче допустимой нормы. Дитятке-то всего двадцать годиков...

Воцарилась гробовая тишина. Мы с мамой и Владом недоуменно уставились на отца. Его лицо казалось решительным и непроницаемым. Но потом папины губы медленно поползли в стороны, расплываясь в хитрой улыбке. Глаза смешливо сощурились, и он громко, от души расхохотался, так что задрожали стаканы в серванте...

*Друзья, приглашаю вас на очередную новинку нашего
литмоба «Горячий профессор» от Аниты Полли
Профессор. Испытание первокурсницы
<https://litnet.com/shrt/zsT4>*

Он обучает маркетингу в ее ВУЗе. Ее мечта стоила пяти миллионов. Его условия шокировали. Никаких подруг, никаких свиданий, никакой жизни вне его проекта. Оливия думала, продает ему свой бизнес-план. Оказалось — продает душу. Но как сказать «нет» человеку, чей взгляд заставляет гореть изнутри? Их деловой контракт быстро превратился в

опасную игру, где ставка — девичье сердце. И проиграть в этой игре противостояний страшнее, чем остаться ни с чем.

Глава 13

Лера

Мы встретились с Ксюшей и Юлей в условленном месте, в двух шагах от модного клуба «Фьюжн», под навесом кофейни. С неба начал накрапывать сентябрьский дождик, а портить прическу и макияж желания не было. Вечер обдувал прохладным ветерком, но они обе мои подружки горели таким нетерпением, что, казалось, могли высушить всю улицу вокруг.

Ксюша, вся в блестках, узких кожаных штанах и с вызывающе ярким макияжем, подпрыгивала от нетерпения на месте, словно кенгуру на старте перед кроссом на скорость:

— Бежим быстрее, девочки! Надо успеть застолбить столик на верхнем балконе, пока их не разобрали! Это самое стратегически важное место в этой цитадели развлечений!

— А что там такого особенного? — удивилась я, поправляя сумку на плече и чувствуя, как меня заражает ее азарт.

— Там все, Лер! Все-все! — глаза Ксюши загорелись. — Когда ноги отвалятся от танцев, можно по-человечески посидеть, отдохнуть, коктейль попить, а не торчать, как сироты казанские, возле стенки. И главное — прикольно сверху посмотреть на некоторых пьяных танцоров. Они там такие акробатические этюды выделывают, что впору снимать скрытой камерой и в интернет выкладывать. Миллион просмот-

ров и всемирная слава обеспечены! Пойдем скорее, пойдем, я умру от нетерпения!

Очередь в кассу двигалась довольно бодро, а фейсконтроль проводил суровый, плечистый верзила с лицом, не выражающим никаких эмоций. Он сканировал каждого посетителя так, будто отбирал спецagentов для секретной миссии на Луну. Еще и сумочки осматривал.

Когда подошла наша очередь, он уставился на мои узкие джинсы, кроссовки и легкую куртку поверх топа с принтом, явно находя мой вид недостаточно «клубным». Все им девушек в мини-юбках и на шпильках подавай...

— Документы, — буркнул он густым басом и вперился в меня придиричивым взглядом.

Я протянула студенческий. Верзила пристально посмотрел на фото, где я была с двумя дурацкими косичками и без макияжа, потом медленно поднял глаза на меня, сегодняшнюю, с подведенными стрелками, распущенными выющимися волосами и в нарядной блузке.

— Это вы? — скептически протянул он, сравнивая два образа.

— Ага, это я, — кивнула я, стараясь сохранять невозмутимость. — В день фото я была не в образе... Больше двух лет назад. На третьем курсе универа несовершеннолетние не учатся.

Уголки его губ дрогнули, будто он пытался сдержать ухмылку. Он фыркнул, поставил штампик мне на руку и про-

пустил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.